

Анна Дроздова

Как тает лед

Анна Дроздова

Как тает лед

«Автор»

2026

Дроздова А. Г.

Как тает лед / А. Г. Дроздова — «Автор», 2026

В мире царит санитарная диктатура. Ограничения доходят до крайностей . Две группы очень разных людей , отказавшиеся от вакцинации, оказываются на грани выживания , но не теряют человечности , несмотря на сложности, возникающие из за разных характеров. Вместе они, словно солнечные лучи , уничтожают тоталитарную систему без выстрелов и разрушений .Когда Китти поместили в изолятор , Мигель, применил самоуправство к медперсоналу и похитил ее.

© Дроздова А. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Анна Дроздова

Как тает лед

Глава

Глава 1. «Обычный день, который не был обычным»

Утро в ЗаГоне начиналось как всегда: город просыпался под гул транспорта, запах свежего хлеба из пекарни на углу и тихий шелест уведомлений в телефонах. Мигель заваривал кофе в турке — он терпеть не мог капсульные кофемашины, считал, что в них нет души. На подоконнике стоял маленький кактус, который он купил два года назад, потому что тот выглядел упрямым, как он сам.

На экране телефона мигало уведомление: «Напоминаем о необходимости подтвердить вакцинацию для доступа к городским сервисам». Мигель привычно смахнул его. Он уже видел это сообщение столько раз, что оно перестало быть новостью. Просто фон, как шум дождя за окном.

Он надел куртку, проверил ключи, паспорт и QRкод в приложении. Без этого теперь даже в метро не пускали. На выходе из подъезда пахло мокрым асфальтом — ночью шёл дождь, и лужи ещё не успели высохнуть.

В метро было тесно, но люди старались держаться на расстоянии. Кто-то нервно поправлял маску, кто-то смотрел в телефон, будто там было написано, как пережить этот день. На эскалаторе рядом с Мигелем стояла девушка с рюкзаком, на котором висел значок: «Я имею право знать». Он мельком подумал, что раньше такие значки были про музыку или кино, а теперь — про базовые вещи: право на вход, право на выбор, право не бояться.

На работе всё шло по плану. Мигель был инженером в небольшой компании, которая занималась модернизацией городской инфраструктуры. Сегодня он проверял расчёты по ремонту ливневой канализации. Работа была рутинной, но ему нравилась: тут всё имело смысл. Трубы должны пропускать воду, насосы — качать, соединения — не течь. В этом мире правил было понятно, кто виноват, если что-то сломалось.

В обеденный перерыв он зашёл в кафе рядом с офисом. Раньше это было его любимое место: там делали отличный капучино и подавали круассаны с миндальным кремом. Теперь меню изменилось. Вместо круассанов — безглютеновые булочки, вместо капучино — напитки на растительном молоке. И главное — вход только по QRкоду.

Мигель показал код на входе, и сканер пискнул зелёным. Официантка кивнула, не поднимая глаз. Он сел за столик у окна, заказал кофе и булочку. Пока ждал заказ, смотрел на улицу. Мимо проходили люди, и ему вдруг показалось, что город стал каким-то серым. Не изза погоды, а изза того, как все двигались: быстро, напряжённо, будто боялись опоздать на что-то важное, чего на самом деле не существовало.

Когда кофе принесли, он сделал первый глоток и поморщился. Вкус был не тот. Или кофе испортился, или он сам изменился, и теперь даже привычные вещи казались чужими.

А потом пришло сообщение от Китти. Они познакомились полгода назад на одном из городских форумов, где обсуждали проблемы ЖКХ. Потом разговор свернул на другие темы: на новые правила, на то, как город меняется, на то, что людям всё чаще говорят «нельзя», но редко объясняют почему.

Сообщение было коротким, но от него по спине пробежал холодок:

«Мигель, ты видел списки? Твоего адреса там нет. Но мой есть. Меня могут выселить. Надо встретиться. Не в чате. Где-нибудь вживую».

Мигель перечитал сообщение три раза. Списки Он слышал о них, но старался не думать. Говорили, что это просто «меры предосторожности», что это временно, что «так надо для безопасности». Но когда это касалось когото знакомого, слово «безопасность» вдруг начинало звучать как «контроль».

Он быстро напечатал ответ:

«Где? Когда?»

Через минуту пришёл ответ:

«Старая типография. Сегодня в восемь. Никому не говори».

Мигель положил телефон на стол и снова посмотрел в окно. По улице шли люди, каждый со своими заботами, своими страхами, своими надеждами. И никто из них не знал, что мир вот-вот изменится. Даже он сам ещё не понимал, что этот обычный день — последний обычный день в его жизни.

Пока он допивал остывший кофе, Мигель машинально крутил в пальцах телефон. Этот QRкод, который сегодня спас ему обед, был, по сути, временной лазейкой системы. Он не был вакцинирован — и не собирался. Но у него был медотвод: старая травма спины, из-за которой врачи ещё год назад официально запретили любые экспериментальные процедуры. И пока бюрократия работала медленно, этот медотвод давал ему право на временный QRкод — на основе регулярных ПЦРтестов.

Каждый третий день он ходил в городскую лабораторию, сдавал мазок, и через несколько часов в приложении появлялся новый код — действительный ровно 72 часа. Это было уничиительно: будто каждый раз он должен доказывать, что имеет право просто жить. Но Мигель держался за эту лазейку, как за тонкую нитку. Он знал: такие лазейки закрывают быстро. И каждый зелёный писк сканера теперь звучал для него как отложенная тревога: «Сегодня пускают. А завтра?»

Глава 2. «Старая типография»

К вечеру город будто выдохся. Уличные фонари зажигались раньше обычного, хотя солнце ещё цеплялось за крыши домов. Мигель шёл по переулкам, сворачивая туда, где камер было меньше, — он теперь инстинктивно искал тёмные углы, будто сам факт, что тебя видят, уже делал тебя уязвимым.

Старая типография стояла на отшибе, между заброшенным складом и ржавым забором. Когда-то здесь пахло свежей краской и бумагой, а теперь — сыростью, пылью и чем-то металлическим, будто само здание постарело и начало ржаветь изнутри. Дверь была приоткрыта ровно настолько, чтобы в щель можно было проскользнуть, не толкая её громко.

Внутри пахло не типографской краской, а мокрым бетоном и старыми тряпками. В дальнем углу, где раньше стоял печатный станок, теперь горела маленькая керосиновая лампа. Её свет был жёлтым, дрожащим, и от этого казалось, что тени в комнате живые и шевелятся.

Китти сидела на ящике, обхватив колени руками. Рядом лежали стопки распечатанных листов — не книги, не газеты, а списки: адреса, фамилии, отметки напротив имён. «Уехал», «Задержан», «На карантине».

— Ты пришёл, — сказала она, когда Мигель подошёл ближе. В её голосе не было ни радости, ни облегчения, только сухая констатация факта, как будто каждый пришедший был не просто человеком, а единицей сопротивления.

Мигель кивнул, не зная, что сказать. Он вдруг почувствовал себя слишком большим для этого тесного, тёмного пространства: плечи задевали балки, ботинки скрипели по полу, и этот звук казался предательски громким.

— Я не понимаю, зачем я здесь, — наконец выговорил он.

Китти посмотрела на него внимательно, будто пыталась разглядеть, можно ли ему доверять.

— Потому что ты ещё можешь пройти в кафе. Потому что у тебя пока есть этот код. И потому что ты не стал говорить «это не моё дело».

Мигель нахмурился.

— Это не значит, что я герой.

— А я и не прошу быть героем. Я прошу быть человеком, который не отворачивается.

Она подвинулась, освобождая место на соседнем ящике, и жестом предложила ему сесть. Потом протянула лист бумаги. На нём был список адресов. Напротив одного из них стояла пометка: «Тамара Петровна, 3й этаж, не выходит».

— Она не выходит, потому что боится, что на улице её остановят. Продукты ей носит соседка, но соседка теперь тоже боится. Говорит, что если её увидят с передачей, у неё могут аннулировать код.

Мигель почувствовал, как внутри всё сжимается. Тамара Петровна. Старушка с третьего этажа, которая всегда улыбалась и знала всех по именам. Которую он недавно провожал до квартиры.

— Я могу ей отнести что-то. У меня пока пускают везде.

Китти покачала головой.

— Не надо «везде». Надо туда, где уже не пускают. Надо туда, куда система говорит: «Вы больше не наши».

Она замолчала, давая ему время переварить это. Потом достала из сумки тонкую папку. Внутри были фотографии, распечатки приказов, вырезки из старых новостей.

— Смотри. Это началось не вчера. Сначала были коды для кафе. Потом — для транспорта. Потом — для домов. Теперь — для жизни в городе. Каждый раз они говорили: «Это временно, это ради безопасности». Но «временно» превращается в «навсегда», если никто не скажет «стоп».

Мигель провёл пальцем по краю фотографии: на ней был двор его дома, только не сейчас, а год назад. Люди сидели на лавочках, дети катались на самокатах, кто-то пил кофе прямо на улице. Всё выглядело таким обычным, таким нормальным, что теперь казалось почти невозможным.

— А что мы можем сделать? — спросил он тихо.

Китти наклонилась ближе, и в свете лампы её лицо стало резким, угловатым, будто из него исчезла мягкость.

— Мы можем быть сетью. Мы можем помнить тех, кого система хочет забыть. Мы можем передавать еду, воду, лекарства. Мы можем прятать людей. И мы можем показывать, что эти правила — не закон природы, а просто чьи-то приказы, которые можно не выполнять.

Мигель сжал кулаки. Он всё ещё не чувствовал себя борцом. Он был инженером, который привык чинить трубы, а не ломать системы. Но сейчас ему казалось, что если он ничего не сделает, то однажды проснётся и поймёт, что перестал быть человеком, а стал просто номером в базе данных.

— Хорошо, — сказал он. — Что нужно сделать прямо сейчас?

Китти достала из кармана маленький чёрный маркер и протянула ему.

— Сейчас ты просто напишешь своё имя на стене. Не для славы. Для того, чтобы, если нас найдут, было понятно: мы были здесь. Мы знали, что происходит. И мы не молчали.

Мигель взял маркер. Стена была шершавой, покрытой слоями старой краски, как будто каждое время оставляло на ней свой след. Он вывел своё имя неровными буквами, чувствуя, как дрожит рука.

Когда он закончил, Китти кивнула, будто приняла какое-то важное решение.

— Теперь ты в деле. И да, Мигель, ты должен понимать: скоро твой код могут аннулировать. Медотводы закрывают, ПЦРтесты признают «недостаточным подтверждением». И тогда ты окажешься по ту сторону. Там, где Тамара Петровна. Где я. Где все, кого вычёркивают.

Он посмотрел на неё и вдруг понял: она не пугает его. Она просто говорит правду, которую он сам боялся произнести.

— Тогда я буду там, — сказал он спокойно. — Если это случится, я буду там.

В этот момент где-то наверху скрипнула половица. Оба замерли. Потом Китти тихо рассмеялась, но в этом смехе не было веселья.

— Здание старое. Оно всё время вздыхает. Но мы всё равно будем осторожными. Потому что теперь у нас есть не только стены. У нас есть друг.

И в этой фразе было столько тепла и столько тяжести одновременно, что Мигель вдруг почувствовал: он больше не один. И что, возможно, именно это и есть самое главное сопротивление — не кричать, не ломать, а просто оставаться рядом с теми, кого хотят сделать невидимыми.

Глава 3. «Обычное ОРЗ»

Мигель шёл по тёмному коридору типографии, стараясь не споткнуться о валявшиеся рулоны бумаги. Китти вела его в дальнюю комнату — там, говорила она, «тише и можно говорить». В воздухе висел запах сырости и старой типографской краски, который уже не казался Мигелю неприятным: теперь он пах сопротивлением, будто само это забытое место решило не сдаваться.

В комнате стоял стол из грубых досок, на нём — ноутбук с треснувшим экраном и стопка распечаток. Китти щёлкнула зажигалкой, поднесла её к фитилю керосиновой лампы, и по стенам поползли дрожащие тени.

— Садись, — кивнула она на ящик, заменявший стул. — Сейчас покажу тебе одну вещь. То, из-за чего всё это безумие и началось.

Она открыла ноутбук, подождала, пока тот, кряхтя, загрузится, и развернула экран к Мигелю. На нём была научная статья, опубликованная ещё до того, как всё закрутилось: сухие графики, столбцы цифр, скучные термины.

— Смотри на цифры, — сказала Китти, водя пальцем по экрану. — Вот летальность. Вот госпитализации. Вот тяжесть течения. Сравни с тем, что было при Ковид19. Видишь? Почти на одном уровне. А местами даже ниже.

Мигель прищурился, вчитываясь. Он не был врачом, но цифры понимал: если летальность низкая, а госпитализации не зашкаливают, то это не пандемия века. Это обычное ОРЗ.

— Но ведь объявили беспрецедентную угрозу, — возразил он, скорее по инерции, потому что привык верить официальным словам.

Китти горько усмехнулась:

— А ты посмотри, кто и когда это объявил. Вот здесь, — она ткнула в строчку с датой, — ВОЗ выпускает первое предупреждение. А вот здесь, — палец скользнул ниже, — через два дня выходит распоряжение о тотальном контроле доступа в города. Не о лечении. Не о поддержке больниц. А именно о контроле.

Мигель откинулся назад, опершись на шершавую стену. В голове будто что-то щёлкнуло, вставая на место.

— То есть вирус сам по себе не страшнее обычного гриппа?

— Не страшнее Ковид19, а местами даже безобиднее. По сути, это обычное ОРЗ: температура, кашель, насморк. У большинства — лёгкое течение. У некоторых чуть тяжелее. Но ничего такого, из-за чего надо выгонять людей из домов.

Он помолчал, переваривая.

— Тогда зачем всё это? Зачем списки, выселения, коды?

Китти закрыла ноутбук с тихим щелчком.

— Потому что дело не в вирусе. Дело в страхе. Страхом легко управлять. А когда люди боятся, они готовы отдать любые права — лишь бы им пообещали безопасность. И чем сильнее страх, тем меньше вопросов они задают.

Мигель вспомнил утро: кафе, зелёный писк сканера, свой ПЦР-тест, который он сдавал каждые три дня, чтобы просто иметь право выпить кофе. Вспомнил Тамару Петровну, которая боялась даже до лифта дойти. И Тимофея, старого кота, которого хотели забрать на прививку, хотя он вообще ни при чём.

— Получается, мы боимся яйца выеденного не стоящей вещи, — тихо произнёс он.

Китти кивнула:

— Именно. Вирус — это предлог. А настоящая эпидемия — это страх. Он заражает быстрее любого вируса. И бьёт сильнее.

В этот момент снаружи, где-то на улице, взвыла сирена. Не обычная городская, а какая-то новая, резкая, будто специально придуманная, чтобы пугать. Мигель вздрогнул, и Китти тут же приложила палец к губам.

— Они патрулируют район. Недавно начали. Говорят, ищут «очаги дезинформации».

Мигель криво улыбнулся, пытаясь скрыть дрожь:

— Значит, мы теперь очаги.

— Мы теперь те, кто помнит, как выглядит правда.

Сирена затихла вдалеке, оставив после себя звенящую тишину. Мигель посмотрел на Китти и вдруг понял: он больше не хочет быть просто наблюдателем. Не хочет оправдывать систему тем, что «так надо».

— Что дальше? — спросил он. — Что я могу сделать?

Китти достала из ящика ещё одну стопку листов. Это были не отчёты, а простые листовки: короткие тексты, понятные каждому.

— Сегодня ночью мы разносим это по району. Не в интернет, там всё режут. А по почтовым ящикам. Чтобы люди видели: не все согласны. Не все боятся. И не все считают, что вирус страшнее человечности.

Мигель взял листовку, пробежал глазами по строчкам. Там не было призывов к бунту. Там было простое: «Вирус не стоит того, чтобы терять дом. Не стоит того, чтобы выгонять старушек. Не стоит того, чтобы требовать прививок у котов».

Он поднял глаза на Китти:

— Я пойду.

Она не стала его отговаривать, не стала говорить, что это опасно. Просто кивнула и протянула ему рюкзак, набитый листовками.

Глава 4. «Инженерные хитрости и небо над головой»

После той ночи с листовками Мигель будто перешагнул невидимую черту: он больше не ждал, когда система сама станет справедливее. Он начал действовать. И тут ему очень пригодилось то, что он был инженером: не тем, кто только кнопки нажимает, а тем, кто смотрит на любую железку и сразу видит, как она устроена — и где у неё слабое место.

Закрытые подъезды стали для него не стеной, а очередной инженерной задачей. В каждом доме была своя логика замков, и Мигель учился её читать.

Иногда это была простая механика: домофон с «усталым» магнитом, который уже не держал плотно дверь. Мигель приносил с собой тонкую пластинку из плотного пластика — раньше такие шли в упаковках от техники. Он вставлял её между дверью и косяком ровно там, где сидел магнит, и дверь поддавалась с тихим, почти виноватым щелчком. Не ломал — просто помогал ей открыться.

В других домах стояли новые системы: камеры, датчики, электронные ключи. Тут Мигель шёл другим путём. Он замечал, кто и когда выходит: курьера, дворника, женщину с коляской. Он не подглядывал исподтишка, а просто стоял у соседнего подъезда, будто проверял сообщения в телефоне, и ждал нужного момента. Как только дверь приоткрывалась, он делал шаг вперёд вместе с потоком воздуха — ровно настолько, чтобы датчик не успел сработать на «постороннее движение». Это было похоже на танец: не сила, а точность, не напор, а чувство ритма.

А ещё он научился видеть город по-другому. Раньше он смотрел под ноги, чтобы не споткнуться. Теперь он смотрел вверх. На козырьки, на пожарные лестницы, на старые слуховые окна. Он запоминал, где висит камера, а где — пустая коробка от неё. Где свет горит постоянно, а где мигает, обещая вот-вот погаснуть. Город стал для него чертежом, где каждая деталь что-то значила.

И вот что самое странное: среди всей этой напряжённой изобретательности у Мигеля оставалось место для тишины. В те редкие минуты, когда удавалось выкроить хотя бы десять спокойных минут, он уходил туда, где не было камер. На пустырь за старой котельной, где рельсы давно заржавели, а трава пробивалась сквозь бетон. Или на крышу гаража, откуда видно, как город постепенно гасит свои огни.

Он садился на край, подтягивал колени к груди и смотрел на небо. Сначала он видел только свет, который мешал звёздам: оранжевое свечение над крышами, блики от рекламных экранов, дрожащие огни дронов-патрулей. Но если сидеть достаточно долго, глаза привыкали, и сквозь эту городскую вуаль начинали проступать настоящие звёзды — холодные, далёкие, равнодушные к спискам, кодам и запретам.

Мигель не был астрономом. Он не знал названий созвездий и не мог отличить Венеру от яркой звезды. Но ему нравилось думать, что где-то там есть кто-то, кто смотрит вниз и удивляется: «И это они называют венцом эволюции? Они строят стены друг от друга и боятся старого кота»

В такие минуты он доставал из кармана маленький камешек — серый, с гладкой стороной, будто его долго катало по дну реки. Он нашёл его ещё до всей этой истории, на прогулке в парке, и с тех пор носил с собой. Для Мигеля этот камешек был чем-то вроде якоря: он напоминал, что мир больше, чем подъезд, который не пускает, больше, чем список, в который тебя могут вписать. Больше, чем страх.

Однажды, сидя на крыше гаража, он услышал шаги. Он напрягся, готовый сорваться с места, но это оказалась Китти. Она поднялась по пожарной лестнице, тяжело дыша, и села рядом, не спрашивая разрешения.

— Ты всегда сюда ходишь? — спросила она, глядя не на него, а на небо.

Мигель пожал плечами:

— Тут камеры не достают.

Китти усмехнулась:

— Я не про камеры. Я про звёзды.

Он помолчал, потом протянул ей камешек:

— Держи. Он помогает помнить, что есть что-то ещё.

Она повертела его в пальцах, улыбнулась и вернула:

— Пусть будет у тебя. Ты его нашёл. Пусть он напоминает тебе, зачем ты всё это делаешь.

Они сидели рядом и смотрели на небо, пока город шумел внизу, будто пытался заглушить даже этот тихий разговор. И в какой-то момент Мигель понял: он не просто учится обходить замки и прятаться от патрулей. Он учится не терять себя среди всех этих правил, которые хотят сделать людей одинаковыми и послушными.

Глава 5. «Цифры и боль»

Мигель сидел на краю крыши, поджав ноги. Внизу шумел город, а над головой, сквозь редкую дымку, проступали звёзды — те самые, которые он научился замечать в свободные минуты. Но сегодня мысли не отпускали. Он вертел в пальцах тот самый серый камешек, который когда-то нашёл в парке, и вспоминал разговор с Китти.

— Ты видела эти отчёты? — начал он, не оборачиваясь.

Китти подошла ближе, села рядом. В руках у неё была пачка распечаток — не официальные бюллетени, а то, что удавалось достать через знакомых: копии сводок, выписки, сканы внутренних распоряжений.

— Видела. И что в них?

— Смотри. Здесь написано, что летальность низкая, госпитализации не зашкаливают. По всем параметрам этот СарсКов35 — не страшнее обычного ОРЗ. Но при этом в ежедневных сводках постоянно мелькает: «смертность растёт». Как так?

Китти хмыкнула, будто услышала что-то до боли знакомое.

— А ты посмотри, как считают. Вот смотри, — она вытащила из пачки лист и ткнула пальцем в строчку, — тут человек умер от тромбоэмболии. У него была тяжёлая сердечно-сосудистая патология, он месяцами не мог попасть на плановую операцию. Но у него при поступлении взяли мазок — и он оказался положительным. И в итоговой статистике он идёт как «умерший от СарсКов35».

Мигель нахмурился.

— То есть его не лечили вовремя, потому что статус «непривитый», а потом в отчётах пишут, что убил вирус?

Китти кивнула.

— Именно. А бывает и наоборот. Человек умирает от осложнений после травмы, но если у него положительный тест, в сводку летит «СарсКов35». Для статистики это удобно: одна строчка, один пункт, всё красиво закрывается.

Мигель стиснул камешек в ладони.

— Получается, цифры не про реальную опасность. Они про то, как удобно отчитаться.

— Про то, как удобно держать людей в страхе. Пока все боятся вируса, никто не спрашивает: почему человеку с инфарктом отказали в госпитализации? Почему плановые операции переносят на неопределённый срок, если нет прививки? А когда человек всё-таки попадает в больницу, бывает уже поздно. И тогда в отчёте появляется ещё одна строчка: «летальный исход на фоне СарсКов35». Вину вешают на вирус, а не на сломанную систему.

Мигель вспомнил старушку с третьего этажа, Тамару Петровну. Как она жаловалась на давление, на одышку, на то, что «сердце пошаливает». Он тогда сказал: «Сходите к врачу». А она только махнула рукой:

— Куда? Мне в поликлинике прямо сказали: «Без прививки плановый приём не ведём». А я не могу, у меня аллергия

Он сжал кулаки.

— Это не медицина. Это сортировка.

Китти посмотрела на него внимательно.

— Да. И самое страшное, что многие даже не видят разницы. Для них «официальная статистика» — это истина. А истории людей, которым отказали в помощи, для системы просто шум.

Гдето внизу, в лабиринте улиц, коротко взвыла сирена. Не тревожная, не пожарная — одна из тех, что теперь ездили по районам, напоминая о комендантском часе. Мигель не вздрогнул: он уже научился отделять звук, который опасен, от звука, который просто пугает.

Он поднял глаза к небу. Звёзды сегодня казались особенно холодными и далёкими, будто наблюдали за всем этим безумием и не могли поверить, что разумные существа способны так легко подменить одно другим: помощь — на контроль, сострадание — на отчётность.

— Знаешь, что хуже всего? — тихо сказал он. — Когда человеку отказывают в лечении, он чувствует себя не больным. Он чувствует себя лишним. Как будто его жизнь уже заранее посчитана как «неприоритетная».

Китти помолчала, потом достала из сумки ещё одну распечатку. На этот раз не цифры, а письмо. От врача из городской больницы, который уволился и прислал им свои заметки.

— Вот. Он пишет, что видел, как людей буквально разворачивали у дверей приёмного покоя. «Нет прививки — ждите». А ждать было негде. И некогда

Мигель пробежал глазами по строчкам. Почерк был неровный, будто человек писал на ходу, между сменами. И каждая строчка отдавалась внутри тяжестью.

— Мы не можем просто это читать и сидеть тут, — сказал он, поднимаясь. — Надо, чтобы кто-то ещё это увидел. Не только мы.

Китти не стала его останавливать. Она только кивнула и протянула ему рюкзак.

— Тогда пойдём. Сегодня разносим не просто листовки. Сегодня разносим истории. Пусть люди знают: дело не в том, что вирус такой страшный. Дело в том, как с ним борются.

Глава 6. «Бронзбойды и падающие тени»

Мигель шёл переулками, держась ближе к стенам: сегодня патрули встречались чаще обычного. Он нёс в рюкзаке не листовки, а продукты для Тамары Петровны — хлеб, банку тушёнки, пачку чая. И ещё маленький пакетик кошачьего корма: Тимофей, её старый кот, в последнее время почти ничего не ел, только тёрся о хозяйку и тихо мурлыкал, будто извинялся, что стал обузой.

Он уже почти дошёл до двора, когда воздух вдруг стал другим — тяжёлым, с резким химическим привкусом, от которого першило в горле. Мигель замер, прижался к стене и осторожно выглянул за угол.

На перекрёстке стояла машина с высоким баком и широкой штангой распылителя — такой, что перекрывала пол-улицы. На борту крупными буквами было выведено: «Дезинфекционный патруль. Санитарная зона». Рядом сустились люди в плотных костюмах и масках, похожих на водолазные; один из них крутил вентиль, и из бронзбойды с шипением вырывалась густая белая струя.

Жидкость оседала на асфальт, на витрины, на скамейки, на старые афиши — и тут же начинала пениться, будто город покрывался болезненной коркой.

А потом Мигель увидел самое страшное.

Из подъезда напротив выбежал парень — молодой, в лёгкой куртке, без всякой защиты. Наверное, просто хотел проскочить, пока патруль не подъехал вплотную. Он сделал три шага — и вдруг резко остановился, схватился за горло, закашлялся, и его повело в сторону. Он рухнул на колени, потом на бок, а пена уже добралась до него, пузырилась вокруг ботинок, поднималась к джинсам.

Кто-то из патрульных крикнул: — Не подходить! Зона обработки!

Никто не бросился к парню. Никто даже не замедлился. Они просто продолжали крутить вентиль, будто человек на асфальте был не пострадавшим, а ещё одной «заражённой поверхностью», которую нужно обеззаразить.

Мигель вжался в стену, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. Он знал этот запах — это был не обычный антисептик, а что-то более едкое, с добавками, которые «лучше убивают вирусы», как писали в инструкциях. Но сейчас этот запах казался запахом смерти.

Где-то вверху, над крышами, загудел дрон. Маленький, юркий, похожий на хищную стрекозу. Он завис на высоте пятого этажа и начал распылять тонкую дымку. Мигель успел заметить, как эта дымка оседает на балконах, на бельевых верёвках, на листьях редких деревьев. И как внизу, под ним, женщина, вышедшая на минуту вынести мусор, вдруг схватилась за грудь, пошатнулась и упала, не успев даже закричать.

Патрульные внизу не обратили внимания. Для них это была статистика: «побочные эффекты в пределах нормы».

Мигель отполз назад, в глубь переулка, пока его самого не накрыло этой дымкой. Руки дрожали, и он сжимал их в кулаки, чтобы унять дрожь. Он думал не о себе, а о Тамаре Петровне: если он сейчас пойдёт через двор, его заметят, остановят, заберут. А она останется без еды. И Тимофей — без корма.

Он достал из кармана тот самый камешек, сжал его в ладони. Холодный, гладкий, простой. Как напоминание, что мир должен быть другим. Не таким, где людей сбивает с ног собственная защита.

И тогда он пошёл другим путём. Не через двор, а по задворкам, мимо мусорных контейнеров, вдоль глухой стены котельной. Он знал эти места: здесь не было камер, здесь не летали дроны. Здесь город был старым и тихим, будто ещё не сдался.

Через пятнадцать минут он стоял у чёрного хода дома Тамары Петровны. Дверь была закрыта, но Мигель знал, как она скрипит, и знал, где у неё «слабое место»: старый замок, который цеплялся только из привычки. Он достал тонкую пластину, аккуратно вставил её в щель, нажал — и дверь тихо щёлкнула, поддаваясь.

Тамара Петровна открыла на его стук, и в её глазах было столько облегчения, что у Мигеля комок подступил к горлу.

— Мигель, родной Я уж думала, не дождусь.

Она впустила его, тут же закрыла дверь на все задвижки и только потом обняла, крепко, по-матерински, будто он был не взрослым мужчиной, а мальчиком, который вернулся домой.

Тимофей, старый кот с седыми усами, подошёл, ткнулся носом в ладонь и тихо замурчал. Мигель погладил его, чувствуя, как понемногу отпускает напряжение.

— Там, на перекрёстке — начал он, но Тамара Петровна покачала головой.

— Не надо. Я и так знаю. Вчера они во дворе распыляли. У соседки с первого этажа после этого дышать нечем было. А сегодня она не выходит. Говорит, что боится снова вдохнуть.

Мигель поставил на стол пакет с продуктами.

— Вы ешьте. И Тимофею дайте. Пусть хоть он поест.

Тамара Петровна посмотрела на него внимательно, будто видела не только его лицо, но и то, что он старается скрыть.

— Ты сам-то как? Глаза у тебя будто ты в ад заглянул.

Мигель криво улыбнулся.

— Почти. Видел, как от их «защиты» люди падают.

Старушка вздохнула, села на табуретку и погладила Тимофея.

— Они думают, что делают добро. А получается, что убивают страх перед вирусом страхом перед всем остальным.

Мигель сел напротив.

— Самое страшное не в том, что они ошибаются. А в том, что им всё равно. Для них человек — это строчка в отчёте. «Побочный эффект». «Санитарная необходимость».

Тимофей запрыгнул к нему на колени, потянулся и снова тихо замурлыкал. И в этом мурлыканье было что-то удивительно правильное — будто мир говорил: «Не всё потеряно. Есть ещё тепло. Есть ещё дом».

Глава 7. «Выселка»

Тамара Петровна сидела на старом стуле у окна и смотрела во двор так, будто пыталась запомнить каждую трещинку на асфальте, каждый обломанный край скамейки. На подоконнике стоял горшок с засохшим бальзамином — когда-то он цвел розовыми цветами, а теперь остались только сухие стебли. Тимофей лежал у неё на коленях, свернувшись клубком, и даже его мурлыканье звучало сегодня тише, будто он тоже понимал: что-то надвигается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.